

УНИВЕРСИТЕТ: СЕТЬ, ПОТОК, СООБЩЕСТВО

(размышления по поводу книги Михаэля Кеннеди
«Глобализирующееся знание: интеллектуалы, университеты и
трансформирующаяся публика», 2015¹)

Каково место университета в XXI веке, в эпоху виртуальных сетей и коммуникативных потоков? Сможет ли он выжить в традиционном смысле как сообщество экспертов, культивирующее универсальное знание? Сможет ли он выжить вообще? Таков круг вопросов, очерчивающих проблемный фон, на котором Михаэль Кеннеди подробно анализирует проблемы университета как социального института и возможные пути их решения.

Программным методологическим положением автора выступает тезис о том, что для развития социологии глобализирующегося знания необходимо быть герменевтом. Эта герменевтическая база социологического знания заключается в следующих моментах: во-первых, во взаимопереводе знаний «глобализаторов» и иных локальностей и времен, а не однонаправленной миссионерской их трансляции; во-вторых, в исследовании возникающего горизонта «новой общей восприимчивости» (sensibility) к различным способам познания; в-третьих, в возникновении новой публики, которая способна артикулировать глобальные знания. Артикулировать в контексте книги – значит формулировать знания и одновременно сопрягать их с социальным контекстом, способствовать социальным изменениям. Новая же публика, способная артикулировать знания, должна включать в себя как интеллектуалов, так и более широкие сообщества и в любом случае не ограничиваться привычной (и на разные лады скомпрометировавшей себя) фигурой эксперта.

¹ Kennedy, Michael D. Globalizing knowledge: Intellectuals, universities and publics in transformation. Stanford: Stanford University Press, 2015.

Какие же изменения происходят с университетом и каков социальный контекст этих изменений? Прежде всего речь идет о том, что с 1990-х годов мы наблюдаем вторую (вслед за послевоенной) волну количественного роста университетского сообщества (студентов и преподавателей)². Если во второй половине XX века высшее образование стало доступно широким массам развитых стран, то с конца столетия оно постепенно становится практически всеобщим. Причем система высшего образования превращается в глобальную: растут потоки студентов из развивающихся стран, повышается конкуренция за них. Это влечет за собой ряд существенных следствий, имеющих различные, даже противонаправленные, аспекты.

Прежде всего, это является причиной пресловутой коммерциализации университетов. Первоочередным приоритетом становится удешевление производства знаний: университет захватывается общей логикой производственной эффективности, теряя почву своей многовековой автономии. Так же как, например, появление машин и рост спроса уничтожает традицию производства гентских кружев, каждое из которых было произведением ремесленного искусства для ценителей изящного платья, – так и появление новых «машин» по производству знания (вплоть до дигитальных машин massive open online courses), которое было бы по карману практически всем, и рост спроса на высшее образование со стороны новых миллионов абитуриентов, которые ранее не прошли бы традиционные фильтры качественного отбора, вытесняет в прошлое традиции высшего образования с их элитарными школами, глубиной и системностью рефлексии. Кеннеди отмечает, что прежний мир теоретических школ, научных коллективов трансформируется в широкий, но атомизированный класс работников просвещения (knowledge workers), который имеет тенденцию растворения в общем бюрократическом классе госслужащих или офисных профессионалов. Но вместе с этим открываются и новые перспективы.

² Для постсоветского региона (на примере России) порядок цифр таков – с 2,7 млн студентов в 1992 году до 6,8 млн в 2008 году (см.: Маркусова, В.А., Либкинд, Д.Н., Крылова, Т.Д. Научная деятельность российских вузов в регионах и их позиция в мировых рейтингах: библиометрический анализ по статистике информационной системы WEB OF KNOWLEDGE // Наукоевческие исследования. 2011.[Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://books.google.lt/books?id=RjK1CgAAQBAJ&pg=PT114&lpg=PT114&dq=%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82+%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D1%81%D1%82%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2&source=bl&ots=nS4cF42Eg_&sig=JdpQ53dx60UDICMoSOWyk4z5r wU&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewiw8a3juMXXAhViGZoKHbjWAlOQ6AEIPjAG#v=onepage&q=%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%20%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2&f=false

По мысли Сартра, историческая родовая травма современной интеллигенции заключается в потере художником или философом своих естественных покровителей в лице нисходящей аристократии. Соответственно интеллигенция формируется в ходе поисков социальной базы для своего существования – читающей публики, широкой аудитории искусства. В политическом же отношении самосознание интеллектуалов основывалось на том, что они являются особой группой, «прослойкой» между классами, которая может извне выработать идеологию и привнести ее в полноценный класс (классический случай русской интеллигенции и пролетариата). Сегодня же, по логике Кеннеди, интеллектуалы – в том широком смысле, в котором сегодня говорят о креативном классе, – сами по себе становятся полноценным классом (и им не нужно искать себе социальную опору в ином классе, интересы которого они могли бы выразить, но который мог бы в конечном счете скомпрометировать их идеалы) как количественно, благодаря удельному весу в обществе, так и качественно – благодаря новому типу социального структурирования, который не просто стал доступен вместе с социальными сетями, но во многом совпадает с самим способом существования интеллектуалов в XXI веке. Ключевым словом для описания этого нового типа социальной связности для Кеннеди выступает понятие потока (flow).

В первом приближении поток – это новое качество того постоянного движения, в которое пришли люди, информация и вещи с момента запуска процессов модернизации традиционной Европы. Поток возникает как эффект ослабления или уничтожения любых барьеров – национальных юрисдикций, локальных бюрократий, региональных конфессий. Вот только потоки эти изначально были асимметричны. Потоки дешевой рабочей силы, сырья и прибылей шли на урбанизированный Запад, в отсталые регионы мира экспортировались товары массового производства и масс-культура.

В XXI веке, по мысли Кеннеди, потоки, строившиеся по логике финансовых потоков, должны быть существенно трансформированы информационными, что призвано привести к более сбалансированному и равноправному обмену в глобальном масштабе.

Концентрация и неконтролируемость транснациональных корпоративных потоков капитала, что приводит к кризисам, должна быть уравновешена низовыми потоками краудфандинга, краудсорсинга, при которых деньги быстро перебрасываются в точку эффективного культурного приложения. Террористическая атака 9.11 на Америку в качестве реакции породила потоки благотворительности (от концертов до донорской крови), которые обозначили новую форму солидарности. А это и есть конечный эффект глобального знания.

Моделью для потоков, которые не находились бы на службе власти и денег, являются интеллектуальные коммуникации. Здесь поток обнаруживает свою чистую форму – не просто систематической коммуникации, но постоянной циркуляции знания в сети, подобной кровеносной системе. Если для университета

XX века одним из основных показателей развития было количество «международных связей», то в XXI веке количество переходит в качество глобального университета, в котором осуществляется постоянная циркуляция идей и людей, а не спорадические контакты официальных делегаций и разовые проекты узких групп. Постоянно активный в режиме прямого эфира обмен информацией и координация действий связывает различные локальности, пространство академии и публичной сферы. Такие потоки могут генерировать сами события и культурную политику.

Например, движение «Occupy Wall Street» (OWS) возникло буквально из ниоткуда, на пересечении самых разных критических потоков – анархистов, хактивистов, ситуационистов и др. Цифровые репрезентации этого движения, полагает Кеннеди, были не менее важны, чем социологические реалии. Ноутбуки демонстрантов использовались как видеокамеры. Живые стримы изнутри акций образовывали «центральную нервную систему» всего движения. По словам одного из организаторов Макса Бергера, множественные прямые трансляции потокового видео были и первой линией обороны против полиции, и способом мгновенного распространения информации о событии, и формой фандрайзинга.

Многие студенты и преподаватели приняли участие в производстве знаний вокруг и изнутри движения «Оссуру» посредством поэтических представлений, открытых лекций, публичных дискуссий о необходимых трансформациях капитализма и т.п. Ряд университетов выделил стипендии для участников и исследователей этого социального движения. Движение «Оссуру», в критическом фокусе которого были «хищнические кредиты» банков, приведшие к массовым разорениям граждан и выселениям из домов, вернулось с улиц в университеты в форме критики концепции «неолиберального университета» как другой стороны той же самой логики финансовых потоков, выведенных из-под социального контроля. Неолиберальный университет стал логическим завершением наступления на публичное высшее образование, начатого в 1970-х годах. Приватизация университетов, подчинение их рыночной логике, навязывающей университету не только краткосрочные, инструментальные критерии эффективности, но и вводящей в университет механизмы эксплуатации и производства неравенств, понимались как вызов базовым гражданским, демократическим ценностям.

Потоки, таким образом, могут быть рассмотрены как базис для новой солидарности интеллектуалов, способных гибко и быстро самоорганизовываться в новые социальные движения без громоздких политических институтов представительства и партийных аппаратов с неизбежной логикой бюрократизации.

Более того, поток – это не просто постоянный обмен между отдельными интеллектуалами и дисциплинами, но и основа для нового отношения между теорией и практикой, университетом и экономическими, политическими институтами. В результате возникают новые типы исследовательских институций,

как, например, Институт Сино-Советских исследований Университета Джорджа Вашингтона, сотрудники которого ориентируются не столько на воспроизводство определенных стандартов дисциплинарного знания, сколько на производство знания, практически значимого с точки зрения реальной политики (*policy-relevant knowledge*). Для Кеннеди фигура посла США в России (2012–2014) ученого и дипломата Майкла Макфоло служит ярким примером подобного слияния теоретического и практического знаний.

Исследователи в области технических или медицинских наук имеют свои стандарты и критерии качества дисциплинарных знаний. Гуманитарные же исследования, особенно привязанные локально (*area studies*), вынуждены находить новые источники легитимации и финансирования. Омассовление высшего образования делает невозможным его бюджетное финансирование в привычных объемах. Более того, государство уже не рассматривает университет в качестве опорной конструкции для культивирования национальной идентичности, которая в конечном счете призвана была послужить основным оружием в полномасштабной войне. Времена, породившие сакраментальную фразу профессора географии из Лейпцига Оскара Пешеля о победе прусского учителя над австрийским как сути австро-прусской войны 1866 года, прошли. Сегодня масс-медиа служат куда более эффективным и управляемым инструментом формирования любых идентичностей. Войны же носят характер спецопераций и не требуют национальной мобилизации. А специалисты с высшим образованием практически свободно могут перетекать на мировом рынке рабочей силы в наиболее благоприятные экономические зоны, и соображения патриотизма (милитаризма) перестают играть для них сколь-нибудь существенную роль. И государство начинает рассматривать университет не как стратегическое направление финансирования, но как еще один инструмент пополнения бюджета (раз уж все равно выпускники встраиваются в систему глобальной экономики, переквалифицируясь из филологов и психологов в маркетологов и пиарщиков, уезжают в более развитые страны и т.п.).

Различие между частными и государственными вузами постепенно стирается. Общей заботой становится фандрайзинг, поиск внешних доноров и инвестиций. При этом небогатые университеты попадают в порочный круг удешевления образования: чем меньше ты инвестируешь в уровень образования (стоимость рабочей силы, условия ее работы, научные исследования), тем больше повышаешь оплату для студентов. Ибо все менее в состоянии выполнить требования доноров по повышению самофинансирования в отсутствие серьезных грантов (на выполнение которых нет ни кадров, ни ресурсов) и сети успешных выпускников (ибо в жестких экономических условиях не работают прежние механизмы обеспечения качества – к минимуму сводится селекция студентов, увеличивается нагрузка на преподавателей и соотношение студентов и преподавателей и пр.).

Возможным решением проблем для Кеннеди является ориентация университетского сообщества на практически ориентированное знание в контексте конкретных типов локальной публики. Это включает в себя расширение социальной базы университета за счет взаимодействия, сращивания с лидерами мнений и медиа-активистами (блогерами, артистами, аналитиками, политтехнологами, айти-специалистами и т.д.), образование гибких «сообществ знания» (epistemic communities) или «сообществ критического дискурса» (М. Буравой), которые поверх дисциплинарных барьеров поддерживали бы связь университета с локальными сообществами, в контексте которых они находятся, прежде всего путем организации открытой дискуссии с окружающей публикой относительно направления развития общества, способа распространения и применения знаний для улучшения жизни. В перспективе динамичная сеть эпистемологических сообществ способна стать основой для формирования интеллектуалов как «универсального класса» (А. Гулднер), делающего объектом критического дискурса все социальные институции, границы и привилегии, включая свои собственные.

Примером сообщества знания, включенного в публичный контекст, по Кеннеди, служит возникший в ходе арабской весны электронный журнал «Jadaliyya». Этот e-zine представляет собой, для автора книги, образец коллективного публичного сетевого интеллектуализма («Publicly Engaged Intellectuality 2.0»). Его работа строится не вокруг медийных знаменитостей и узкого круга экспертов, пишущих для экспертов, но по принципам связывания публик, критики и перевода. «Jadaliyya» использует локальные знания, научные исследования для воссоздания региона в качестве сети динамичных сообществ. Формат этого издания заполняет зияющую брешь между собственно научными журналами (публикации в которых приходится ожидать как минимум полгода) и индивидуальными блогами, которые оперативно реагируют на события, но на невысоком аналитическом уровне. Сами основатели журнала определяют его как научный журнал с ежедневными обновлениями, который призван контекстуализировать теоретические знания применительно к региону и сделать знания региона доступными в глобальном масштабе за счет свободного распространения и быстрого и бесплатного перевода.

Что касается университета, то в условиях глобализирующегося знания Кеннеди видит следующие его задачи. Прежде всего, в эпоху прекариата приобретает еще большую остроту проблема индивидуальной карьеры выпускников, обеспечение студента необходимыми инструментами для достижения лучшего будущего, обеспечение доступа к образованию индивидам с ограниченными возможностями (в широком смысле слова – от детей с физическими недостатками до детей из неблагополучных семей и бедных регионов), разработка внятной программы того, как университет может способствовать развитию локальных экономик, как присутствие университета в локальном сообществе

может повысить качество жизни в нем и увеличить количество общедоступных культурных ресурсов.

Конечно, многие пункты этой программы и примеры Кеннеди относятся прежде всего к американским университетам, которые зачастую представляют собой «города на холме» в обычных городах, отделенные от последних невидимыми стенами собственной службы безопасности, сравнительного финансового благополучия, хорошей системой здравоохранения и высоким культурным уровнем. Но ключевой тезис можно распространить и на более широкий контекст.

Сегодня университет призван выполнять не только функцию производства элит, но и площадки социализации – своеобразного социального «карантина» для того, чтобы молодые люди приобрели взрослый «иммунитет» к жизни. Современные подростки выведены из поля традиционного воспитания, когда они в постоянном сотрудничестве со взрослыми усваивали не только производственные приемы, но и культурные нормы. Как результат, серая зона между обучением в средней школе и воспитанием дома (спорадическим, реагирующим на отдельные проступки) неизменно увеличивалась. Родители и школа надеются друг на друга: одни научат, другие воспитают. Школьный класс сегодня – это очень условное сообщество: зачастую одноклассники – просто источник информации о том, что по «домашке» задали. Подростки десоциализируются, погружаясь в одиночество в сети. Парадигма *liberal arts* в современных университетах во многом является реакцией на это положение вещей. Университет становится школой жизни и мысли, помогая молодому человеку поставить вопросы, которые для него практически не просматривались за лесом частных знаний: что такое я, что я могу и должен знать, что такое жизнь, другой, мир, общество и т.п. Школой социализации, реальной групповой, творческой работы, контактов с разнообразной публикой, окружающей университет, размыкания самоизоляции в пузырях сетевых «сообществ» (гомогенизированных, просеянных по принципу того, что всем «нравится»).

Основной пафос книги можно усмотреть в том, что сеть, потоки – это средство поддержания живых сообществ, а не их замена. В большинстве описанных случаев узловыми пунктами потоков так или иначе выступают именно живые сообщества, которые являются точками кристаллизации сети сообществ знания. Классический принцип единства места, времени и действия до сих пор служит базовым принципом формирования публичной сферы, которая с помощью цифровых расширений может распространить свои эффекты в любом масштабе. Но для генерации социальных импульсов, из которых состоят потоки знания, необходимо сообщество, которое за счет постоянных личных контактов генерирует не только повестку дня, но то единство коллективного здравого смысла и научного критического дискурса, которое может адекватно задать перспективу решения проблем.

Хотелось бы разделить оптимизм автора книги по многим пунктам. Относительно того, что академические сообщества смогут организовать новые поля влияния на общество, что может быть обеспечен их тесный и продуктивный контакт с центральной властью (советники правительств и т.п.) и созданы симбиотические социально-культурные образования с локальными властями, что финансовые потоки (фонд Сороса) смогут гармонизироваться с потоками знания, свобода с солидарностью, а интеллектуалы всех стран соединиться в децентрализованном единстве. Но сначала нужно тщательным образом осмыслить, насколько эти реалии совместимы с социальной логикой капитала вообще и не придется ли существенно пересматривать либо последнюю, либо сами эти оптимистические ожидания. Ведь само понятие потока по сути замещает ключевую метафору раннего капитализма – «невидимой руки» рынка. Поток сегодня служит для обозначения трансцендентного движения капитала, лишённого всяких антропоморфных признаков, ставшего целиком потусторонним для индивида. Слепые, спекулятивные финансовые потоки, которые непредсказуемо накапливаются на вершинах финансовых пирамид (которыми по сути становятся глобальные банки) и приходят в беспощадное движение подобно сходящим вниз лавинам, замещают образы относительной гармонии, в которую приводится «рукой» рынка (и управляющим ей квазирелигиозным «духом капитализма») хаос социальной жизни. В масс-медиа на виду потоки, связанные с пузырями доткомов или недвижимости (или на наших глазах надуваемым пузырем криптовалют). Менее бросаются в глаза повседневные потоки, в которых реализуется поздний капитализм, начиная с городских транспортных потоков.

Джейн Джекобс еще в 1961 году в своей книге «Смерть и жизнь больших американских городов»³ – своеобразной предыстории «Occupy Wall Street» – показала, как конгломерат банкиров, застройщиков и политиков осуществлял «антигородскую» политику в отношении перестройки городов в соответствии с реалиями возникающего общества потребления. Старые районы сносились, открывая дорогу магистралям, по которым большие массы людей могли быть быстро переброшены от мест проживания ко все более удаленным местам работы и гипермаркетам. Источником инноваций послужили «катаклизмические деньги» – огромные финансовые ресурсы, требовавшие масштабных инвестиционных проектов, – для кредитования застройщиков. В результате транспортными потоками были «вымыты» сообщества местных жителей, а новые многоэтажки превратились в асоциальные скопления анонимных чужаков. Современные потоки могут размывать основы классической публичности менее брутальным, но более тотальным образом. Задача университета как очага публичной жизни в этом контексте выглядит вдвойне непростой – использовать

³ См.: Джекобс, Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011.

для создания новой ткани публичной жизни средства, которые оказывают серьезное внутреннее сопротивление цели.

Книга Кеннеди – открытая книга. Концептуально она открывает новые перспективы и противоречия современного общества знаний. Политически она открыта критике как слева, так и справа. Очевидный повод для критики со стороны правых – заигрывание с марксизмом. Вплоть до 11 итоговых тезисов книги по аналогии с «Тезисами о Фейербахе» Маркса. В принципе, пафос 11-го тезиса Маркса – философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, – проходит красной нитью сквозь всю книгу. Автор систематически описывает недостатки системы неолиберализма (глобальной сети денег и власти, мирового правительства в лице МВФ, ВТО и т.п.). Начиная с острого аргентинского кризиса 2001 года, к которому привела экономическая политика, навязываемая МВФ, неолиберальный «вашингтонский консенсус», по мнению автора, последовательно утрачивал свое программное значение для построения будущего глобального общества. Система неолиберализма производит неравенства и дискриминацию в массовом масштабе. Систему нужно изменять. К лучшему.

И в этом пункте книга открывается критике слева. Бескомпромиссная левая позиция (символом ее сегодня служит Жижек, «коммунизм» которого, впрочем, для Кеннеди, носит скорее провокативный характер) обосновывает необходимость не бесконечного улучшения системы, но утопического, радикального мышления. Систему нужно менять. На альтернативную. Безусловно, здесь таится главная идеологическая слабость последовательных левых: а где гарантии, что альтернатива окажется лучше? Не дал ли нам XX век исчерпывающий опыт различных «альтернатив» – от сталинского или гитлеровского тоталитаризма до Северной Кореи? Может, из двух зол выбрать все-таки известное? И придерживаться кантианского принципа бесконечного выправления «кривой тесины» (из которой, для Канта, сделан человек вообще), которую прямой сделать невозможно. Тем более что из всех социальных систем капитализм является само пластичным, податливым к изменениям.

Парадокс здесь заключается в том, что на определенном этапе развития капитализма очередное небольшое его усовершенствование может стать тем дерридеанским «опасным дополнением», которое качественно изменит всю систему.